

УДК 343.13

В. В. Тихонов

*начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК НОВОЙ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Появление такой меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве, как запрет определенных действий, трудно расценить однозначно, однако можно отметить явное желание законодателя гуманизировать и индивидуализировать уголовно-процессуальное законодательство и дополнить имеющиеся традиционные меры пресечения, что призвано способствовать достижению общих целей их применения.

Несмотря на то, что такую меру пресечения, как запрет определенных действий, можно считать насущной необходимостью развивающегося общества, диспозиция нормы ст. 105.1 еще далека от совершенства. К примеру, А. Р. Белкин усмотрел ряд явных коллизий с такой мерой пресечения, как домашний арест (ст. 107 УПК РФ), причем, как уже отмечалось в литературе, предлагаемые запреты можно комбинировать так, что их совокупность вполне соответствует домашнему аресту [1, с. 44].

Сложно не согласиться с высказанными замечаниями, тем более что домашний арест также предполагает ограничение на выход из жилого помещения, а дополнительной мерой может стать запрет общаться с определенными лицами или пользоваться средствами связи. Выявленная проблема свидетельствует о потребности четко разграничить домашний арест и запрет определенных действий, что в практической деятельности сделать затруднительно. Новизна предлагаемой меры в том, что конкретизированные запреты не сопутствуют домашнему аресту, их следует рассматривать как самостоятельную меру пресечения, не связанную с полной изоляцией человека от общества.

Проблемными являются и вопросы сроков применения данной меры пресечения. Согласно ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ срок применения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подо-

зреваемый или обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях), устанавливается и продлевается судом в соответствии со ст. 109 УПК РФ. При этом законодатель указывает на то, что следует учитывать особенности, определенные этой нормой, а сам срок начинает течь с момента вынесения судом решения об установлении запрета и ставится в зависимость от категории преступления, по которому ведется производство. Данный срок не может превышать следующие сроки: 1) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести — 12 месяцев; 2) по уголовным делам о тяжких преступлениях — 24 месяца; 3) по уголовным делам об особо тяжких преступлениях — 36 месяцев. Таким образом, длительность применения данного вида запрета зависит от характера и степени общественной опасности преступления, а по своей продолжительности запрет определенных мер действия явно превышает сроки, предусмотренные уголовно-процессуальным законом для других мер пресечения.

В отличие от ч. 5 ст. 162 УК РФ, предусматривающей возможность продления срока предварительного следствия свыше 12 месяцев, только по уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, и лишь в исключительных случаях ч. 10 ст. 105.1. УПК РФ о каких-либо критериях сложности уголовного дела не упоминает.

В аспекте вышесказанного системное толкование норм уголовно-процессуального закона позволяет высказаться о существенных противоречиях новелл иным положениям уголовно-процессуального закона, в том числе положениям принципа уголовного судопроизводства, предусмотренным ст. 6.1 УПК РФ. Изначально ориентируя всех участников уголовно-процессуальных правоотношений на то, что производство по уголовному делу должно осуществляться в разумный срок, законодатель, вводя новую меру пресечения, предполагает возможность применения запрета определенных действий в срок, в разы превышающий установленный срок расследования, предусмотренный в ст. 162 УК РФ.

Не менее важной считаем проблему контроля за тем, как исполняется анализируемая мера. Из ст. 105.1 УПК РФ следует, что контроль за соблюдением такой меры пресечения, как запрет определенных действий, возлагается на федеральный орган исполнительной власти.

Выделяют следующие способы контроля:

– применяются аудиовизуальные, электронные и других средства техники;

– контролирующие органы обязаны посещать подозреваемого (обвиняемого) по месту исполнения меры пресечения не реже двух раз в неделю в любое время суток (исключение составляет ночное время);

– подконтрольное лицо посещается по месту его трудовой деятельности (если нет запрета выходить в определенные периоды из жилого помещения);

– проводятся дополнительные проверки нахождения лица по месту исполнения меры пресечения с использованием средств телефонной связи [2].

Указанные способы контроля не могут быть признаны достаточно эффективными и упреждающими, поскольку чаще всего их использование ограничено телефонными звонками. В реалиях современности, когда сотовая связь активно развивается, установить переадресацию звонка не представляет особых сложностей. Следовательно, контролирующий орган не может быть уверен в том, что лицо действительно находится на месте исполнения запрета определенных действий.

При имеющихся ресурсах ФСИН не может должным образом контролировать запрет определенных действий [3, с. 43]. С этой целью нужно заложить соответствующую материально-техническую базу, а это требует определенного времени. Следовательно, пока у данного органа не будет сформирована необходимая техническая возможность контролировать субъектов, исполнение меры пресечения будет затруднено. Более того, как контролировать отправку или получение почтово-телеграфной корреспонденции в случае наложения такого запрета, если лицу не запрещено выходить из помещения. Совершенно очевидно, что подобные запреты в условиях нахождения обвиняемого, подозреваемого на свободе могут быть реализованы только путем следственного действия наложения ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию.

Анализируя проблемы такой меры пресечения, как запрет определенных действий, непозволительно игнорировать вопросы, касающиеся личной свободы и личной неприкосновенности. Эти категории в науке понимаются по-разному: как положение уголовного судопроизводства, при котором никого нельзя подвергать аресту иначе как на основании решения суда; свобода и личная неприкосновенность включают не только физический, но и нравственный, духовный и имущественный аспекты.

Буквальное толкование ст. 105.1 УПК РФ позволяет делать вывод, что данная мера не связана с изоляцией от общества и ограничением личной свободы. Однако данный факт является не совсем оправданным с точ-

ки зрения общепринятых воззрений науки, особенно в свете международно-правового регулирования и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Тем более что запрет выходить за пределы жилого помещения в определенный период, который предусмотрен п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, представляет собой частичную изоляцию от общества, является ограничением личной свободы и сходен с ее лишением. Именно это налагает на государство обязанность соблюдать нормы международного права при применении данной меры пресечения. При таких обстоятельствах и с учетом возможности устанавливать запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, при избрании в качестве меры пресечения залога (в соответствии с ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ) создает условия фактического и одинакового по существу ограничения свободы при избрании трех самостоятельных мер пресечения: домашнего ареста, залога, запрета определенных действий. Разница лишь в дополнительных компонентах: собственно залоге или иных запретах. В любом случае ограничение личной свободы при применении домашнего ареста либо запрета периодически покидать жилище в составе запрета определенных действий или залога будет основным сущностным признаком трех названных мер пресечения, поскольку является наиболее важным по степени ограничения прав и законных интересов личности. Такое положение дел означает, что смысл ст. 105.1 УПК РФ шире ее названия, а это не в полной мере согласуется с понятиями и содержанием других мер пресечения, декларированными целями и задачами их применения [3, с. 44].

В ст. 105.1 УПК РФ говорится о том, что подозреваемый (обвиняемый) может связываться с экстренными службами, следователями и дознавателями, но ничего не сказано о возможности общаться с защитником. Считаем это законодательным упущением, ведь право на квалифицированную юридическую помощь гарантировано конституционной нормой. Отсутствие упоминания об адвокате может вызвать на практике определенные сложности.

М. Г. Янин в числе проблем увидел и сомнительную экономическую целесообразность применения новой меры пресечения. По мнению указанного автора, говорить об экономическом преимуществе запрета определенных действий перед заключением под стражу неправильно. В качестве примера автор приводит практику зарубежных стран, в которых применяются похожие меры пресечения. М. Г. Янин пишет «...например, в США, обвиняемый (подозреваемый) оплачивает самостоятельно как стоимость оборудования для контроля, так и работу надзорной службы. В Российской

Федерации данный подход неприменим ввиду принципа равенства граждан перед законом, материальное положение обвиняемого, подозреваемого не может являться основанием для избрания в отношении его более мягкой меры пресечения» [4, с. 65].

Изложенное позволило выявить следующие проблемы, затрудняющие реализацию меры пресечения в виде запрета определенных действий:

– отсутствие четкой грани между запретом определенных действий и домашним арестом;

– не предусмотрена возможность общения обвиняемого (подозреваемого) с защитником;

– имеющиеся ресурсы ФСИН не способствуют надлежащему контролю за обвиняемым (подозреваемым), которому запрещено совершать определенные действия.

1. Белкин А. Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 44. [Вернуться к статье](#)

2. Маликова Н. В. Запрет определенных действий: новое в российском уголовно-процессуальном законодательстве [Электронный ресурс]. URL: <https://zakoniros.ru/?p=30472> (дата обращения: 06.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. № 5(21). С. 43–44. [Вернуться к статье](#)

4. Янин М. Г. Запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22). С. 65–67. [Вернуться к статье](#)